

случившееся. Император, видя их негодование и твердость взаимного союза, согласился в присутствии графа, других посторонних и всего своего двора просить извинения и клялся, и заверял, что все то произошло не только без его повеления, но и без его ведома, и что он готов, несмотря на свою певинность, дать графу удовлетворение. Так, со дня на день становилось нашим очевиднее коварство греков и вероломство императора; всем князьям сделалось ясно, как солнце, что он преследует ненавистью наш народ и озлоблен против всех латин. Но так как их стремления были направлены на другое и они имели в виду богоугодное дело, то они полагали лучше не обращать внимания на оскорбления, папесепные им, нежели оставить свое благочестивое предприятие или затруднить начатое дело.

XXI. Таким образом, граф по совету князей снова примирился с императором и дал ему клятву в верности того же содержания, как и другие князья; вследствие того он возвратил себе опять расположение императора и был щедро оделен им огромными подарками, которых нельзя ни перечислить, ни измерить. И другие князья получили при этом снова подарки, потом простылись и вернулись за Геллеспонт назад к своим войскам; графа же они особенно просили последовать за ними, ни мало не медля. Между тем прибыло в Константинополь войско графа и по его приказанию неотлагательно переехало в Вифинию, где и соединилось с прочими. Граф оставался по личным делам еще несколько дней в городе и, как человек рассудительный, действительно старался как о собственном, так и об общественном благе. А именно, он, подобно с волей князей, усиливался склонить императора, как то делали и другие до него, дать обещание присоединиться к походу и взять на себя достоинство *герцога* и *правителя* (*dux et moderator*) Господней армии. Но император, убеждаемый не раз каждым из наших князей, и в особенности государем графом Тулузским, принять достоинство герцога и правителя Господней армии и сделаться главой народов, посвятивших себя служению Богу, отказывался от того, говоря, что ему предстоит защи-

щать свое государство от жестоких врагов, болгаров, куманов и пинценатов (то есть печегегов), которые при всяком случае врываются в пределы его государства и нарушают спокойствие. А потому, хотя он и имеет желание принять участие в таком пилигримстве и в наградах будущей жизни, но он не может отложить заботы о своем государстве и допустить своих враждебных соседей причинять ему зло. Но все, что он говорил, было коварством и злоумышлением: он искал только предлога к тому, чтобы лишить наших своей помощи, так как он завидовал их успеху и делал им на пути всевозможные препятствия. Между тем государь Готфрид, государь Боэмунд и государь граф Роберт Фландрский вместе с епископом Пюи, переплыв море и собрав обоз, приготовились в поход и определили идти пешком к Никее, чтобы там ожидать следовавших за ними. Когда они после целого дня пути прибыли к Никополису, главному городу провинции Вифинии, к ним вышел навстречу достопочтенный пастырь Петр Пустышник из ближайших местечек, где он спасался от суровости зимы с немногими уцелевшими из его дружины, приветствовал князей и присоединился к ним. Принятый всеми дружелюбно, на вопросы об участии своих он изложил им все по порядку и рассказал, что следовавшие за ним люди были упрямым, безверным и непокорным народом и что их несчастье главным образом должно быть приписываемо им самим. Князья приняли большое участие в нем и, сострадая несчастью его людей, оказали ему и его дружине большую щедрость. Когда, таким образом, армия увеличилась и число ее, благодаря Богу, возросло от присоединившихся отрядов, наши двинулись вперед, не торопясь, и подошли к Никее. Там они раскинули кольцеобразно лагерь, оставив место для князей, которые должны были прийти, и начали осаду города в 15-й день мая (1097 г.). Граф же Тулузский, устроив свои дела в Константинополе, простился с императором, оделившим его снова с необыкновенной щедростью, и с быстротой поспешил к вышеупомянутому городу, ведя за собой своих, которых он удержал при себе.